

ЛЕНСКИЙ СПУСТИЛСЯ С ГОР, ИЛИ МУЗЫКАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ АХМЕДА АГАДИ

Веч. клуб. - 2003 - 29 авг. - с. 19

«Я БЫ НЕ РАССТАЛСЯ»

— Пуччини очень любил свою Баттерфляй, а Пинкертоном ему было явно несимпатично. Дуэт в первом действии и крошечная ария в третьем — вот и все.

— **Хочется еще попеть?**

— Конечно. Но, честно говоря, этот американец не относится к моим любимым персонажам.

— **Вы бы на его месте не расстались с Чيو-Чю-сан?**

— Конечно, нет!

— **Но ведь обстоятельства...**

— (Перебивая). Какие обстоятельства, если любовь. И вообще, обстоятельства нужно побеждать.

— **А вам это удастся?**

— По-моему, да.

«ПЕРВЫЙ УЧИТЕЛЬ — «МАЯК»

— **Когда вы появились в Музыкальном театре, зрители были заинтригованы: откуда этот новый тенор? Какая необычная фамилия! Расскажите о себе.**

— В нашей семье росло десять детей. Отец был чабаном. Он всегда брал меня с собой пасти овец. Когда мы уходили в горы, постоянно при нас был транзисторный приемник. Жили мы в Казахстане, недалеко от города Чимкента. В горах я с утра до вечера слушал песни по «Маяку». Запоминал их и пел вместе с неизвестными мне певцами и певицами.

— **«Маяк» был вашим первым учителем пения?**

— Вроде так. А фамилия Агади — иранская. Папа, его имя Эльтифат, — иранец, а мама татарка.

— **Какую же вы указали национальность во время переписи населения?**

— (Смеется). Иранец с русской душой. Между прочим, после того, как я спел Ленского, обо мне так и написали в рецензии.

— **Ну, хорошо. Пели в горах, а что дальше?**

— Учился в казахской школе, как манны небесной ждал армии...

— **Армии? Как манны небесной? Что-то я давно такого не слышал.**

— Для наших сельских парней это было единственным шансом увидеть мир. Я служил в Новосибирске. Впервые попал в большой город. И вот к нам в часть приехал армейский ансамбль. Я, конечно, сразу к руководителю. Стал петь свой репертуар — все те же песни «Маяка». И меня забрали в ансамбль, где я быстро стал солистом, хотя нотной грамоты не знал и солдатские песни учил с голоса.

БИЛЕТ В ОДИН КОНЕЦ

— **От армейского ансамбля уже не так далеко до консерватории...**

— Но и не близко. Когда я пришел прослушиваться в Новосибирскую консерваторию, от меня все педагоги отмахивались. Дело в том, что у меня были большие проблемы с русским языком — я говорил с чудовищным акцентом. Да и пел так же. Но я уже не мог без пения, я чувствовал, что это мое призвание. И вот тут мне повезло. Я встретил замечательного человека. Это был педагог Новосибирского музыкального училища Нина Леонидовна Дынькина. Она стала заниматься со мной. Разумеется, бесплатно.

— **Очень симпатичная фамилия — Дынькина.**

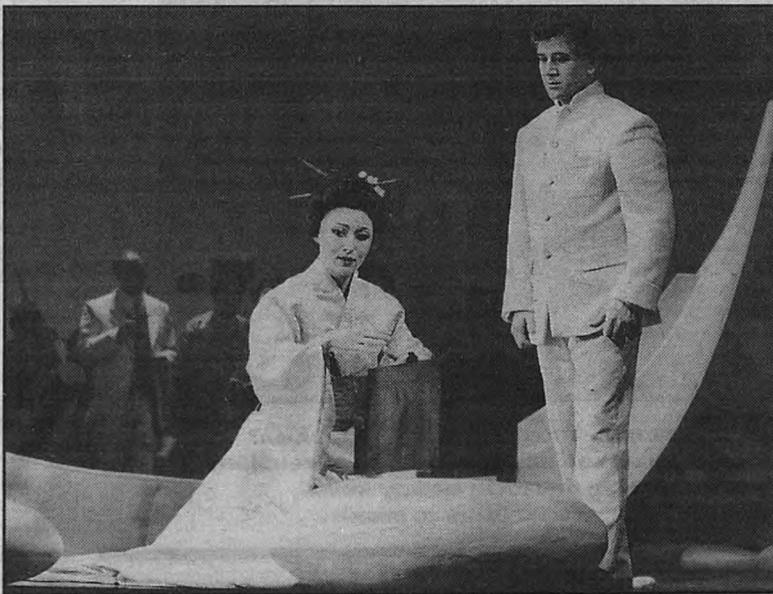
— Да, человек совершенно удивительный. Она услышала в моем голосе что-то ценное, говорила мне: «Ахмед, когда ты будешь

Об этом артисте вполне можно было снять фильм со старым названием: «Музыкальная история». Сын чабана из далекого казахского села стал солистом московского академического театра, поет чуть не по всей Европе...

Мы сидим с Ахмедом в опустевшем фойе Музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко. Только что закончился спектакль. Премьера — «Мадам Баттерфляй». Агади пел Пинкертона. Но усталости на его лице я не замечаю. Слово прочитав мои мысли, Ахмед улыбается...

Ахмед Агади — Ленский.

С Ольгой Гуряковой в «Мадам Баттерфляй».

петь, люди будут плакать и радоваться. У тебя живой голос». Через год педагоги Новосибирской консерватории стали наперебой приглашать меня в свои классы. А я подумал — не попробовать ли мне поехать в Москву. Собрал деньги на билет. Хватило только в один конец. Но я в душе немножко аферист. И вот уже пою перед приемной комиссией Московской консерватории. Конкурс был страшный, взяла всего двух теноров. И в их числе был я. Ну, думаю, поняли члены комиссии, что у меня все равно денег на обратный билет нет... Для меня консерватория — одно из святых мест на земле. Такой плотности талантов на

один квадратный метр нет нигде на свете.

ЛЕНСКИЙ ПОМОГ

— **А как попали в Музыкальный театр?**

— Ленский помог — навсегда мой самый любимый герой.

— **Расскажите подробнее.**

— В Оперной студии консерватории ставили «Евгения Онегина». Я репетировал Ленского. Очень трудно было с акцентом. Вокруг все шутили: «Наш Ленский спустился с гор». На первом спектакле переволновался — спутал мизансцены, забыл слова. Но меня все поздравляли. Было очень много

цветов. Я даже удивился. Оказалось, на моем первом «Онегине» присутствовала целая комиссия из Музыкального театра. Там возобновляли «Онегина» в знаменитой классической постановке Станиславского. И меня пригласили в этот спектакль. Сначала я был стажером, но роли буквально посыпались, как из рога изобилия. В «Паяцах» спел Беппо, в «Моцарте и Сальери» Моцарта, в «Руслане и Людмиле» Баяна, в «Севиальском цирюльнике» Альмавиву...

— **А Рудольфа в «Богеме» забыли?**

— О «Богеме» особый разговор. Сначала я в театре пел партии лирического тенора. А Рудольф уже более крепкая партия, да и знаменитое «до» надо брать. Так что «Богема» стала для меня своего рода рубежом. После Рудольфа стал петь Хозе в «Кармен», Каварадосси в «Тоске», Калафа в «Турандот».

НЕ ДОПЛАЧИВАТЬ, А ПЛАТИТЬ

— **Вы часто и надолго уезжаете из Москвы. Зрители скучают.**

— Артист не может без гастролей. Новые театры, новые партии это очень важно.

— **Наверное, и гонорар имеет значение?**

— Конечно. Мы где-то до сих пор живем в социализме. Театральные оклады имеют ту же сетку разрядов, что и в любой бюджетной организации. Но ведь профессия певца связана с огромным риском. Чуть простудился, и уже не можешь петь. А спел в больном состоянии — потерял голос.

— **Но в московских театрах существуют доплаты...**

— Надо не доплачивать, а нормально платить! Но не будем о грустном. Я очень люблю свой театр. Мне интересно работать с Александром Борисовичем Тителем, с нашим молодым режиссером Людой Налетовой, с дирижерами Владимиром Михайловичем Гореликом, Арой Карапетяном...

УДАРЫ И РАДОСТИ

— **Как относитесь к критике?**

— Лучше спросить, как критика относится ко мне. Должен сказать, очень по-разному. Например, в газете «Культура» о нашем театре всегда пишет Лариса Долгачева. Она считает своим долгом после каждой премьеры облить меня грязью. Бьет наотмашь. По-мужски. Не подумаешь, что пишет женщина. Всегда все плохо, плохо, ужасно! Ну, если бы я был таким кошмарным певцом, меня бы, наверное, не приглашали за рубеж и в лучшие театры России!? Слава Богу, есть и другие критики. Они действительно анализируют спектакль, разбирают твою работу.

— **Тенор и поклонницы — никогда не стареющая тема. После спектакля вас ждут зрители, просят автографы, фотографируют?**

— Они очень болеют за меня, радуются моим успехам. Многие поклонницы знают мою жену, поздравляют ее с премьерами. Так что никакого напряжения нет.

— **Вы счастливый человек?**

— Конечно! У меня прекрасная семья. Подрастает сынок — скоро приведу его на мой спектакль. Я еще не спел очень много партий. Я не выступал в очень многих оперных театрах мира. Впереди страшно много работы. Все это замечательно!

Беседовал
Игорь КАЗЕНИН